

Федирко Оксана Петровна

доктор исторических наук, профессор
 Департамента истории и археологии
 Школы гуманитарных наук
 Дальневосточного федерального университета

Бэ Со Ён

аспирант Дальневосточного федерального
 университета

ПЕРВЫЕ КОРЕЙСКИЕ ШКОЛЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Fedirko Oksana Petrovna

D.Phil. in History,
 Professor, National History
 and Archival Science Department,
 Far Eastern Federal University

So Young Bae

PhD student,
 Far Eastern Federal University

THE FIRST KOREAN SCHOOLS IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE MIDDLE OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Аннотация:

В статье рассматривается процесс создания системы школьного образования для корейцев, выбравших в середине XIX в. Дальний Восток России в качестве своей новой родины. На основе данных дальневосточных архивов, впервые вводимых в оборот, исследуется история создания первых школ для корейского населения. Анализируются количественный состав учащихся и качественные характеристики процесса обучения. Установлены факторы, влиявшие на процесс развития школьного образования в Приморской и Приамурской областях.

Ключевые слова:

Дальний Восток России, корейцы, заселение, школьное образование.

Summary:

The article deals with the process of creation of the system of school education for the Koreans who chose the Far East of Russia to be their new motherland in the middle of the XIX century. The data from the Far Eastern archives, which have been introduced to the public for the first time, allow the authors to examine the history of establishing of the first schools for the Korean population. The article presents analysis of the number of the students, the quality of the educational process. The authors study the reasons which influenced development of school education.

Keywords:

Far East of Russia, Koreans, peopling, school education.

В середине XIX в. Дальний Восток России представлял собой регион с очень низкой плотностью населения, и для его освоения требовались серьезные меры по привлечению переселенцев. Среди мигрантов, прибывавших в регион, были и иностранцы, в большей степени из ближнего зарубежья: Китая и Кореи.

Первые эмигранты из Кореи появились в регионе еще до установления дипломатических отношений между двумя государствами [1, л. 1]. После подписания в 1884 г. российско-корейского договора остро встал вопрос о статусе корейских иммигрантов в Приамурском крае [2, с. 78]. К концу 1887 г. была достигнута договоренность о включении в текст соглашения статьи, согласно которой все корейцы, переселившиеся в Россию до подписания договора 1884 г., могли получить русское подданство и пользоваться «всеми правами наравне с другими русскими подданными» [3, с. 66].

И хотя в течение двадцати лет до момента вступления в силу договора корейские переселенцы являлись по сути нелегалами, они активно осваивали дальневосточные земли и всеми силами стремились адаптироваться к новой социокультурной среде. В этих условиях школа выполняла роль транслятора культуры как для мигрантов, так и для принимающего сообщества [4, с. 326].

Первое документальное упоминание о нуждах школьного образования в корейских поселениях Приморской области относится к 30 августа 1866 г., когда генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков писал губернатору области И.В. Фуругельму: «В бытность мою вместе с Вашим Превосходительством, в гавани Посъете, Вы выразили мне свое намерение об учреждении в этой гавани особой школы для обучения русскому языку детей переселившихся к нам корейцев. Вполне сочувствуя этой полезной цели, я имею честь препроводить Вашему Превосходительству на первоначальные расходы по учреждению школы... сто рублей серебром» [5, л. 1].

Первая официальная корейская школа открылась в 1868 г. в селе Тизинхэ [6, с. 207], вторая – в 1872 г. в селе Благословенном [7, с. 20], третья – в 1873 г. в селе Нижне-Янчихэ [8, л. 10]. Обучалось в них от 10 до 30 мальчиков. До начала 1890-х гг. эти три школы обеспечивали потребность в обучении грамоте среди корейских крестьян.

В 1880-е гг. было осуществлено полное подчинение корейских школ церковному ведомству в лице Камчатской духовной миссии, в которой действовал корейский отдел. Корейский отдел был разделен на три миссионерских стана: Среднеамурский (включал село Благословенное), Корсаковский (селения Корсаковка, Кроуновка, Пуциловка и Синельниково) и Янчихинский (объединял села Посьетского участка) [9, с. 213]. С этого времени процесс развития корейских школ приобрел поступательный характер.

В 1892 г. в Приморской области в школах обучалось 225–240 детей корейской национальности, т. е. 1 учащийся приходился на 73 корейских жителя, что было большим прогрессом. Среди казачьего населения это соотношение было лучше: 1 учащийся приходился на 34 человека. Наименьший охват детей школьным образованием наблюдался в русских селах, где 1 учащийся приходился на 123 человека [10, с. 7].

В 1895 г. в Приамурском генерал-губернаторстве действовало уже 10 корейских школ, в основном фанзовой постройки, из них 6 на Посьетском участке, в селениях Заречье, Красное Село, Чурихэ, Янчихэ, Тизинхэ и Адими; 4 на Суйфунском участке, в селениях Кроуновка, Синельниково, Корсаковка и Пуциловка (на Сучанском и Верхне-Уссурийском участках школ не было) [11, с. 19–20]. В это же время число учащихся в Приамурском генерал-губернаторстве увеличилось до 277 и составило 44,7 % от числа всех учащихся в инородческих школах в крае [12, л. 4].

В течение 1897–1905 гг. были открыты следующие корейские школы: одноклассные церковно-приходские школы для девочек в Нижне-Адими и Нижне-Янчихэ (1900 г.); для мальчиков и смешанные – в селах Нагорное, Новая Деревня, Краббе, Фаташи (1897 г.), в селе Верхне-Янчихэ (1898 г.). Стали функционировать школы грамоты, в том числе и дополнительно к одноклассным в селах Корсаковке (1897 г.), Синельниково (1899 г.), Пуциловке (с 1900 и 1902 гг.), в Сухановке, Брусье, Барановке, Кедровой Пади, Верхне-Адими (1900 г.). Школа, подчиненная Министерству народного образования, была открыта в 1902 г. в селе Казакевичеве [13, л. 7] (см. табл. 1).

Таблица 1 – Корейские школы Приамурского генерал-губернаторства в 1903/1904 учебном году [14]

Населенный пункт	Количество школ	Год открытия	Численность учителей	Численность учащихся		
				мальчиков	девочек	всего
Тизинхэ	1	1868	2	73	18	91
Нижне-Янчихэ	2	1873, 1900	2	52	21	73
Благословенное	1	1872	1	65	–	65
Корсаковка	2	1883, 1897	2	69	5	74
Кроуновка	1	1885	1	32	–	32
Пуциловка	3	1887, 1900, 1902	3	107	3	110
Синельниково	2	1888, 1899	3	84	3	87
Заречье	1	1890	1	47	7	54
Нижне-Адими	2	1890, 1900	3	62	20	82
Красное Село	1	1891	1	48	–	48
Таудеми	1	1892	1	33	–	33
Сидими	1	1895	1	36	2	38
Николаевка	1	1895	1	24	–	24
Рязановка	1	1896	1	28	5	33
Краббе	1	1897	1	45	–	45
Нагорное	1	1897	1	21	–	21
Новая Деревня	1	1897	1	25	–	25
Фаташи	1	1897	1	34	–	34
Верхне-Янчихэ	1	1898	1	32	–	32
Алекса́ндро-Михайловка	1	1899	1	20	–	20
Осиповка	1	1899	1	26	–	26
Андреевка	1	1900	1	33	–	33
Барановка	1	1900	1	14	–	14
Брусье	1	1900	1	25	4	29
Верхне-Адими	1	1900	1	24	2	26
Кедровая Падь	1	1900	1	15	9	24
Сухановка	1	1900	1	14	2	16
Казакевичево	1	1902	1	37	1	38
Город Владивосток	1	1902	1	28	10	38
Итого	35		38	1 153	112	1 265

Накануне Русско-японской войны в 28 корейских селах русского Дальнего Востока и во Владивостоке функционировало 35 школ. Только четыре школы из них (11,4 %) числились школами

Министерства народного образования, хотя и содержались за счет жителей корейских сел. Перед школами в Приамурском и Приморском краях стояли два наиболее острых вопроса: недостаток финансирования и нехватка учителей.

На нужды просвещения Приморской области Правительством в 1889 г. было выделено всего 23 769 р., что составляло чуть более 0,3 % от общей суммы областного бюджета в 7 915 497 р. [15, с. 7]. Однако численность русских переселенцев, прибывающих из Европейской России и Сибири в регион, постоянно росла, вызывая потребность в открытии школ. В начале 1890-х гг. практически в каждом большом селе или деревне русскоподданных корейцев по посемейным спискам имелись церковно-приходские школы или школы грамоты [16, с. 218]. Большая часть общих расходов приходских школ покрывалась за счет средств православного миссионерского общества. Другим источником для содержания школ были средства, собранные сельскими обществами. В конце XIX в. все чаще практиковалось отчисление на начальное образование корейских детей определенной суммы с одной обработанной в данной общине десятины [17, с. 214].

В конце 1870-х гг. активно шло замещение должностей учителей в корейских школах служителями церкви. Священники, как правило, проживали при школе: им отводилась одна или две комнаты в здании школы. Некоторые миссионеры осуществляли надзор сразу за двумя или даже тремя школами из-за нехватки персонала в составе миссии. Эта практика сохранилась и в будущем. Так, священник Корсаковской церкви отвечал за школы в Корсаковке и Кроуновке [18].

Особенно острой была нехватка учителей из корейской диаспоры, имевших специальное образование. В 1902 г. в 22 школах Адимиской и Янчихинской волостей только 4 учителя были этническими корейцами, которые имели специальное педагогическое образование на уровне учительской семинарии. Ими были Л.П. Цой и К.П. Ким, являвшиеся выпускниками Иркутской семинарии, а также М.В. Тэн и Я.А. Ким, которые получили дипломы об окончании Казанской учительской семинарии [19, л. 48].

Несмотря на трудности, школы открывались и функционировали, поскольку образование в корейских селениях было весьма востребованным. Этому способствовал ряд факторов.

Во-первых, изучение русского языка и приобщение к русской культуре позволяло обеспечить будущее корейским детям не только в России, но и, возможно, на своей исторической родине. В конце XIX в. газета «Владивосток» писала: «Старожилы-корейцы, принятые в русское подданство, прослышав, что их сородичи, ранее проживавшие в этих селах и научившись русской грамоте, живя теперь в Сеуле, служат там при дворе короля и имеют даже некоторое влияние на управление и ими там дорожат, ...стремятся к тому, чтобы и их дети научились русской грамоте и сделались, по их выражению, “большими капитанами”» [20].

Во-вторых, это стремление овладеть русской культурой. Порывы корейцев «обрусить» своих детей и тем самым сблизить с русским народом, были продиктованы желанием продемонстрировать свою лояльность к местным властям, получить моральную и материальную поддержку и закрепиться на принимаемой территории.

В-третьих, в создании сети церковно-приходских школ в корейских селениях была заинтересована Русская православная церковь, которая проводила на Дальнем Востоке активную политику руссификации и христианизации. Православные миссионеры активно работали в корейских селениях, причем весьма результативно. Именно поэтому большинство школ, открывавшихся в корейских селениях, относились к ведомству Святейшего синода.

В-четвертых, в корейских школах, кроме этнических корейцев, обучались представители коренных народов Дальнего Востока России. Современники отмечали, последние приняли их, корейцев, как братьев и стремились расширить все возможные контакты с ними [21, с. 23]. Аборигенное население Дальнего Востока либо вело кочевой образ жизни, либо проживало в малочисленных селениях. Поселения же корейцев были крупными, многолюдными, поэтому открыть в них школу было более удобно и целесообразно. Кроме того, совместными усилиями содержать школы было дешевле.

В целом именно школы играли главенствующую роль в сближении русского и корейских народов на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. и способствовали закреплению переселенческого населения в регионе.

Ссылки и примечания:

1. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дал. Востока). Ф. 87. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.
2. Петров А.А. Корейская диаспора в России 1897–1917 гг. Владивосток, 2001. 399 с.
3. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004.
4. Федирко О.П. Колонизационная политика на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века) : материалы междунар. науч. конф. Благовещенск, 2004. С. 325–328.
5. РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1007. Л. 1.

6. Петров А.А. Указ. соч. С. 207.
7. Корейцы Приамурского края // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Хабаровск, 1895. № 83.
8. РГИА ДВ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 111. Л. 10.
9. Петров А.А. Указ. соч. С. 213.
10. Листок Приморского областного статистического комитета // Владивосток. 1900. № 7.
11. Корейцы Приамурского края. С. 19–20.
12. РГИА. Ф. 803. Оп. 10. Д. 136. Л. 4.
13. Там же. Л. 7.
14. Таблица 1 составлена по: Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 231–235 ; Петров А.А. Указ. соч. С. 228 ; РГИА ДВ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 35. Л. 123 об. – 124, 138 об. – 141.
15. Листок Приморского областного статистического комитета. С. 7.
16. Петров А.А. Указ. соч. С. 218.
17. Там же. С. 214.
18. Владивосток. 1895. 3 сент.
19. РГИА ДВ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
20. Владивосток. 1896. 23 июля.
21. Корейцы Приамурского края. С. 23.

References:

Fedirko, OP 2004, 'Colonization policy in the Far East in the second half of the XIX - early XX century', *Migratsionnyye protsessy na Dal'nem Vostoke (s drevneyshikh vremen do nachala XX veka) : materialy mezhdunar. nauch. konf.*, Blagoveshchensk, pp. 325-328, (in Russian).

'Koreans of the Amur Region' 1895, *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, no. 83, (in Russian).

Пак, ВД 2004, *Russia and Korea*, Moscow, (in Russian).

Petrov, AA 2001, *The Korean Diaspora in Russia in 1897-1917*, Vladivostok, 399 p., (in Russian).